

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

А.А. Алимов

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ XXI ВЕКА: ЧТО ПРОИСХОДИТ, КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

А.А. Alimov

CHALLENGES AND THREATS IN THE XXI CENTURY: WHAT IS GOING ON, WHO IS TO BLAME AND WHAT IS TO BE DONE?

В статье рассматриваются понятия «глобализация», «устойчивое развитие», «экологическая политика», «вызовы» и «угрозы», «экологическое образование», «социальная экология», дается их характеристика на основании рассмотрения вопроса формирования основных способов и путей развития современного общества при использовании оптимальных возможностей и подходов к снижению уровня угроз и вызовов за счет использования имеющихся и перспективных средств. Используются современные характеристики «мягкой» безопасности, «мягкой» политики и «мягкой» силы, направленные на понижение уровня сложности проявлений современных глобальных вызовов и угроз.

Ключевые слова: глобализация, устойчивое развитие, мягкая сила, мягкая безопасность, вызовы и угрозы, глобальное сообщество, экологическая политика, социальная экология.

The article covers such definitions as “globalization”, “sustainable development”, “environmental policy”, “challenges” and “threats”, “environmental education”, “social-environmental ecology” characteristics of them are provided on the basis of investigation of the problem of formation main approaches of development of modern global society, aimed at resolving global problems and decreasing the level of threats and challenges on the basis of using optimal resolving of new and perspective ways. Such modern characteristic as “soft” security, “soft” policy, “soft” power are used in the frames of lowering the levels of problematic manifestation of modern global challenges and threats.

Key words: globalization, soft power, sustainable development, global safety, challenges and threats, environmental policy, state environmental (ecological) policy, environmental education, social ecology.

*Памяти Льва Николаевича Карлина,
одного из редких ректоров технических
и естественных ВУЗов, понимавших
значение гуманитарных наук.*

С легкой руки политологов, специалистов в области международных отношений и мировой политики в современный дискурс о глобальных проблемах в научный оборот вошли новые определения, понятия и соответствующие пути решения вопроса глобальной социо-эколого-экономической безопасности. Вместе с тем в научной литературе наших дней сохраняются традиционные термины, понятия и определения. Пожалуй, можно сказать, что к началу XXI в. подтвердилась правильность выдвинутой почти сто лет назад идеи В.И. Вернадского о том, что человеческие знания будут развиваться не по наукам, а по проблемам. Поэтому возникает необходимость интеграции наук и знаний, т.е. межнаучный (но не многонаучный) подход к решению глобальных проблем.

Нынешнее понимание перспектив развития мирового сообщества связано с осознанием и разработкой двух, по нашему мнению, наиболее сложных, а вместе с тем и важных процессов современности: глобализации и устойчивого развития. Нужно сказать, что оба эти понятия появились как в теоретическом, так и практическом плане во второй половине XX в., и что они связаны лишь с частичным пониманием того, что глобальные проблемы не придуманы представителями современной научной мысли, а есть нечто иное, как результат многовекового развития мирового сообщества. Глобализация и устойчивое развитие имеют общие корни и общее проявление, в первую очередь, в рамках нашей статьи, на глобальном уровне. Пересечение этих двух процессов по-новому ставит вопрос о развитии мирового сообщества в рамках научно обоснованного определения целей, способов и задач, стоящих в настоящее время практически перед всеми современными государствами.

Юбилейная Генеральная Ассамблея ООН, отмечавшая в 2015 г. свое 70-летие, имела в повестке дня вопросы обеспечения безопасности как в глобальном, так и региональном масштабе. При этом важно подчеркнуть, что в обращении глав государств и правительств к этому высокому всемирному Форуму звучали призывы к решению современных глобальных проблем за счет адекватной политической реакции на новые вызовы и угрозы. Но, к сожалению, все выше названные призывы и предложения происходят на фоне неблагоприятного состояния в международных отношениях и мировой политике. Современная картина мировых политических процессов отличается, во-первых, многоакторностью и, во-вторых, наличием недоверия, сложившегося между государствами.

Принято считать, что автором термина-понятия «глобализация» явился американский экономист Теодор Левитт, представитель Гарвардской школы бизнеса, который на протяжении значительного периода времени был главным редактором известного издания «Harvard Business Review». Но нельзя безоговорочно считать только Т. Левитта автором названного выше определения. Тогда термин «глобализация» включал в себя понимание того, что это есть процесс глубокой интеграции мирохозяйственных связей, существовавших в то время. В своей работе «Globalization of Markets», опубликованной в журнале «Harvard Business Review» он и изложил свое понимание процесса глобализации. Однако этот термин широко не использовался до конца 1990-х гг. в научных изданиях, а если и упоминался, то только в основном в экономическом плане. Вместе с тем, в литературе по вопросам содержания и форм проявления глобализационных изменений часто упоминается имя другого американского ученого, но уже не экономиста, а социолога — Р. Робертсона, который термин «глобализация» использовал примерно

на 10 лет раньше, чем Т. Левитт. Но связывал он его не столько с экономической составляющей мирового развития, сколько с вопросами социологии, психологии и других гуманитарных наук.

Как Т. Левитт, так и его последователи определяли глобализацию как процесс, значительно снижающий преграды на пути перетока товаров и услуг, рабочей силы и капитала. Как и во многих других случаях, связанных с определением объективных явлений и процессов, сам Т. Левитт и его коллеги не уделяли серьезного внимания формированию и развитию глобализационных изменений, в которые все более широко вовлекались страны, расположенные в разных регионах мира. Более того, термин «глобализация» в его первоначальном появлении получил другие характеристики и определения. Поскольку корни теории и практики глобализации в основном были связаны с ведущей ролью Соединенных Штатов, то в дальнейшем появились такие термины-понятия, как «вестернизация», «американизация» и даже «макдонолизация», связанные именно с активной деятельностью США в этом процессе.

В рамках дискурса по вопросам значимости и важности глобализации на достаточно длительном периоде времени, ставились следующие вопросы: когда было ее начало? в чем заключались ее проявления в глобальном масштабе? как сказалась глобализация в различных регионах мира? возможен ли конец глобализации и когда он наступит? Участники дискурса значительно расходились в оценках и определениях отдельных характеристик глобализационных изменений.

Будучи ограниченными размерами статьи, мы не сможем рассмотреть все стороны глобализационного дискурса и остановимся только на отдельных вопросах. Так, время начала глобализации определялось по-разному. «Размах» времени был от появления человека разумного до второй половины XX в. Но, пожалуй, наиболее распространенные временные рамки начала процесса глобализации это — осевое время в истории человечества и/или конец XV в., что связывается с результатами великих географических открытий и/или с великими переселениями народов [10, 116]. Но и в этом случае нельзя не учитывать такие факторы, как давние торгово-экономические связи Европы с рядом азиатских стран, или знаменитые крестовые походы, которые проводились с определенной целью — получения новых земель и т.п.

С другой стороны, не остался без внимания исследователей и вопрос о воздействии глобализационных процессов на состоянии государств, размывания государственной власти и даже на частичную потерю суверенитета. В этой связи следует отметить, что закрепленные в Вестфальских документах (1648) принципы суверенитета действительно изменились к середине XX в. в связи с необходимостью учёта не только интересов отдельных государств, но и необходимости их сотрудничества в разных сферах. Так, можно сказать, что окружающая среда, энвайронментальные (экологические) процессы воздействовали на формирование принципа субсидиарности, т.е. частичного отказа от своих суверенных прав и интересов. Пожалуй, в этом отношении наиболее удачным примером является сотрудничество в области окружающей среды и устойчивого развития в рамках Европейского Союза. В настоящее время Российская Федерация, к сожалению, не отличается высоким уровнем государственной экологической политики [9, 15]. Но глобализация, как общемировой процесс в своем развитии должна была преодолеть значительные трудности. Среди них назовем параллельный глобализации

процесс регионализации, включение вопросов преодоления глобальных проблем и ряд других. Действительно, глобализация и регионализация — это параллельные процессы, но они разнонаправлены и системно определяемы. Поскольку невозможно представить, что все страны мира одновременно, «равной шеренгой» вошли бы в глобализирующийся мир, то регионализацию можно характеризовать как процесс «собираания» сил по отдельным регионам, чтобы в последствии глобализационные процессы отличались эволюционностью и поэтапностью.

Конец XX в. ознаменован новыми факторами, в частности, научно-техническим переворотом. Интеллект, знания, технологии становятся важнейшими экономическими активами. Информационная революция, базирующаяся на соединении компьютера с телекоммуникационными сетями, коренным образом уже преобразовала человеческое бытие. Глобализация сжимает время и пространство, открывает границы, позволяет устанавливать контакты в любой точке земного шара. Она превращает индивидов в граждан мира. Но при этом вовсе не исчезают национальные интересы, стратегическое значение и геополитические реалии. Они просто медленно трансформируются. Показателем такого рода изменений можно назвать определение национальных приоритетов, высказанных тремя известными государственными и политическими деятелями. Один из них — У. Черчилль утверждал, что у Великобритании нет друзей и врагов, а есть только собственные национальные интересы. В истории России такого рода парадигма была выдвинута императором Александром III, который вовсе не был сверхвоинственным лицом, но все же констатировал, что у России есть две опоры, два условия успешного развития: армия и флот. Кстати, именно с того времени Россия изображалась в виде сильного медведя. Но известно, что и в наши дни такое представление остается в использовании характеристики нашей страны оппонентами самостоятельного и национально-ориентированного развития Российской Федерации. И, наконец, экс-президент США Б. Клинтон, говорил, что интересы США заключаются в том, чтобы своих противников превратить в своих сторонников.

Вопрос о возможном конце процесса глобализации также не был оставлен без внимания. Так, в докладе Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего (Проект 2020)» включены как вопросы перспективы развития России, так и возможного участия ее в процессе глобализации на равных началах как с ведущими государствами, так и странами развивающегося мира. Характерной чертой этого прогноза является отдельный учёт роли и места африканских и азиатских стран (Китай, Индия и др.), получивших в ходе революционно-освободительного движения формальную политическую независимость, но оставшихся в рамках объятия экономической зависимости. Кроме того, отдельной «строкой» оценивается роль Бразилии, которая, по мнению авторов, к 2020 г. может превзойти экономику всех европейских стран, кроме самых крупных [4, 12]. Вообще нужно сказать, что авторы указанного прогностического обзора дают не только факты, отражающие развитие глобализации, но также выделяют возможные сложности и противоречия этого процесса. Назовем наиболее важные из них [4, 7–8]:

- подъем новых держав;
- новые проблемы управления (с учётом так называемого «Глобального управления»);

- всеобъемлющее чувство ненадежности;
- расширение мировой экономики
- ускоренные темпы научного прогресса и распространение технологий двойного назначения;
- сохранение социального неравенства;
- феномен глобального старения;
- замедление процесса демократизации;
- распространение радикальной исламской идеологии;
- потенциальная возможность катастрофического терроризма;
- распространение оружия массового поражения;
- усиление давления на международные институты.

В Докладе её авторы попытались дать ответ на возможное продолжение и/или конец глобализационных изменений в мире. В частности, был поставлен вопрос о том, какие тенденции в процессе глобализации усилятся, а какие — замедлятся или даже остановятся. Так, определяя перспективы развития глобализации, авторы пишут: «Однако будущее глобализации неоднозначно; государства и независимые игроки — включая частные компании и неправительственные организации — будут бороться за право определять ее контуры. Некоторые аспекты глобализации, такие как растущая взаимозависимость, основанная на революции в сфере информационных технологий, почти наверняка окажутся необратимыми. Но возможно также, хотя это и маловероятно, что процесс глобализации может быть замедлен или даже остановлен, подобно тому, как эпоха глобализации в конце XIX и в начале XX в. была повергнута вспять катастрофической войной и глобальным экономическим спадом» [4, 14–15].

Назовем другие опасные тенденции, которые, по нашему мнению, могут спровоцировать конфликтные ситуации: борьба государств за «первое» место в мире без учета главных геополитических изменений; усиление активности нетрадиционного ислама и его распространение не только на сами исламские государства, но и на другие страны, включая европейские; долгосрочная аренда земель богатыми странами на территории бедных и др. К сожалению, усиление радикального ислама проявляется в наши дни не только по устной или письменной пропаганде, но и с применением оружия. В данном случае можно говорить о реальной региональной угрозе военных столкновений с применением традиционного определения «жесткой» или «военной» силы. Однако в стратегировании социально-экономического и политического развития мирового сообщества в последние 10–15 лет появились новые подходы к снижению напряженности в мировых политических процессах. Они получили название «мягкой силы», «мягкой опасности», «мягкой безопасности», «умной силы» («Soft Power», «Soft Threat», «Soft security», «Smart Power» — соответственно) и др. Правда, в России термин «мягкая сила» как потенциальное направление внешней политики стал использоваться в официальных политических и научных кругах с середины 2012 г. Эту парадигму внес в научный оборот американский политолог Джозеф Най, известный эксперт по международным отношениям. И в первый раз термин «мягкая сила» был им использован в 1990 г.

Надо отметить, что Дж. Най признается в мировом научном сообществе одним из главных основателей влиятельной в США неолиберальной школы международной политики. При этом Дж. Най является не только теоретиком, но практиком высокого

уровня. Известно, что он занимал высокие правительственные посты: в 1977–1979 гг. — помощник заместителя Государственного секретаря по вопросам безопасности, науки и технологии, Председатель группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия; в 1993–1994 гг. председатель Национального разведывательного совета; в 1994–1995 гг. — заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности.

В настоящий момент термин «мягкая сила» и «умная сила» используется достаточно широко и их синтез означает возможность использовать как невоенные способы ведения международных действий, так и военные, в случае когда ситуация определяет такую необходимость. Более того, в последнее время используется и другой, сравнительно недавно появившийся термин «глобальное управление» — «global governance». Правда, этот термин еще не полностью вошел в политическую лексику, поскольку такое состояние дел и возможностей еще не наступило. Как отмечают авторы интересной работы «Глобальное управление», это есть один из подходов к возможности планировать совместное будущее [5, 6]. Иными словами, говорят авторы названной работы, в современный период развития глобализации «...возрастает всеобщее внимание к проблеме управления международными отношениями и мировой политикой» [5, 6]. Однако процесс развития отношений между государствами на пороге XX и XXI в. несколько замедлен в связи с целым рядом сложностей, связанных с постепенным формированием «многополярного мира». Что же стало первопричиной такого рода изменений? Можно, по мнению авторов работы «Глобальное управление», назвать, по крайней мере, три группы вопросов.

1. Первая группа, в сущности, связана с вопросами, выходящими за рамки международных отношений и мировой политики, такие как успехи кибернетики, программирование развития возможных событий, прикладные работы в области управления организациями, повышение уровня управления в целом, в том числе и в области международных отношений;
2. Новые тенденции в мирополитических процессах, многоакторность мировой политики, повышение динамики глобализационных изменений, что в конечном итоге связано с потребностью перехода от двусторонних отношений и даже многосторонних, к взаимодействию глобального плана;
3. Изменения, связанные с окончанием холодной войны, что вызвало целый ряд новых глобальных и региональных проблем, включая изменения в глобальном распределении значимости ведущих государств. [5,6].

Вообще считается, что впервые в широкий оборот понятие «глобальное управление» было введено во второй половине 1980-х гг. немецким политиком В. Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению («Commission on Global Governance»). Но в данном случае речь идет не о научном исследовании, а о документе ООН, практически так же, как и понятие «устойчивое развитие» («Sustainable Development») в докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, известном под названием «Наше общее будущее» [6]. Однако в настоящее время, в связи с повышающейся активностью России в глобальных мирополитических процессах, происходит новый поворот в отношении проблемы глобального управления.

Эти изменения происходят в рамках глобализационных процессов и в определенной мере связаны с необходимостью решения глобальных проблем. Можно с полной уверенностью говорить о том, что экологическая проблема является одной из важнейших на современном этапе развития мирового сообщества.

Первые сигналы об опасности негативных изменений в окружающей человека природной среде прозвучали в начале второй половине XX в. Именно тогда появились первые международные неправительственные экологические международные организации и первое место, несомненно, принадлежало Римскому клубу. Несмотря на различные оценки деятельности этой организации, она внесла значительный вклад в понимание и осознание изменений, происходивших в биосфере. Не случайно первый доклад Римскому клубу, «Пределы роста» получил название «первого экологического колокола». К сожалению, эта работа в России была опубликована только в 1993 г., главным образом по причинам не научного, а политико-идеологического характера. Вообще к настоящему времени имеется более 15 докладов Римскому клубу, которые, с одной стороны были построены по такому же принципу, как и «Пределы роста», но вместе с тем они внесли и много нового, в решении глобальной экологической проблемы. Несомненно, именно начало 1970-х гг. заложило основы одного из подходов социально-экологической направленности в решении планетарной экологической проблемы. Тогда совпали по времени два важных фактора дальнейшего развития путей и способов предотвращения нарушения равновесности биосферы. Во-первых, это выход уже названного нами доклада «Пределы роста», во-вторых, в 1972 г. состоялась первая международная конференция ООН по окружающей среде. Поэтому именно в начале 1970-х гг. «стартовали» два процесса: научного развития теории взаимодействия общества и природы и практическая деятельность международных межправительственных и неправительственных организаций. К настоящему времени имеются сотни научных работ и целый ряд теоретических подходов в этом плане. Однако даже перечисление их займет слишком много места. Поэтому назовем лишь отдельные из них. Конечно, наиболее масштабный теоретический подход — это концепция ноосферного развития, предложенная несколько десятков лет назад выдающимся российским ученым В.И. Вернадским. Правда, предсказание В.И. Вернадского о возможном развитии коллективного разума все-таки еще не реализовано. Но можно говорить о понимании глобальной социально-экологической проблемы значительным количеством ученых, политиков, государственных деятелей и т.д. [7].

При появлении конкретных данных о негативном состоянии окружающей среды в середине XX в. выделилось три направления понимания этой проблемы и отношений к ней со стороны науки и практики. Можно назвать такие как армагонистические или алармистские — в основном определяющие глобальную экологическую ситуацию в положении безысходности; технико-технологические — отличающиеся оптимизмом и убежденностью в том, что решения этой проблемы можно добиться за счет использования новых, экологически ориентированных технологий и методик; и, наконец, направление о равновесности биосферы и широкого, межнаучного, интеграционного подхода. В этом, третьем, варианте научных изысканий и практических действий и формировалось понятие об устойчивом развитии. В настоящее время имеется, по крайней мере, две точки зрения по вопросу выделения теоретического и практического

подходов в определении первого упоминания по этому вопросу. Так, например академик К.Я. Кондратьев считал, что впервые этот термин появился в 1974 г. в документах Всемирного совета церковей как реакция на возникновение на возникновение в развивающихся странах возражения по поводу преувеличенности состояния окружающей среды в таких условиях, когда миллионы людей страдают от нищеты и голода [3, 29–61]. Вообще вопрос о соотношении численности населения и способностью нашей Планеты обеспечивать их естественные, биологические потребности был в первые, пожалуй, поставлен Томасом Робертом Мальтусом в 1895 г. И, по мнению его открывателя, был объективным законом, согласно которому рост народонаселения опережает рост средств существования, что влечет за собой обнищание и снижения качества жизни.

Вместе с тем ряд специалистов считает, что впервые такое определение было использовано в документах Международного Союза Охраны Природы и Природных Ресурсов «МСОП», неправительственной международной организации, созданной в 1948 г. и получившей консультативный статус при ЮНЕСКО. Эта авторитетная организация, связанная с «семьей» Организации Объединенных Наций широко известна и в наши дни, особенно в связи с тем, что именно по инициативе МСОП была создана первая «Красная книга», первый том которой был опубликован в 1968 г.

Официально термин «устойчивое развитие» появился в документе ООН, получившим название «Наше общее будущее» — доклада Международной Комиссии по Окружающей Среде и Развитию (МКОСР), опубликованной в Советском Союзе в 1989 г.

Приведем слова из этого документа, которые, по мнению авторов доклада, определяют содержание понятие «устойчивое развитие»: «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два ключевых понятия: — понятие потребностей, в частности потребностей необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета; — понятия ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [6, 52].

Вообще, как известно, это понятие получило негативную оценку и критику, особенно в российской научной литературе. Это выразилось в двух основных сюжетах: неправильный перевод термина на русский язык, поскольку «environmental development» — это «поддерживаемое развитие; расплывчатость определения, особенно в отношении так называемых потребностей, ибо в данное время мы не можем определить каковы будут потребности (кроме основных, биологических) у будущих поколений.

Более того, примерно в это же время была опубликована работа российского ученого П.Г. Олдака под названием «Равновесное природопользование: взгляд экономиста» [8]. Автор этой работы, будучи экономистом, предложил новый подход к развитию мирового сообщества, и он соединил: экономический фактор, экологический фактор и социальный фактор. Практически эта парадигма полностью совпадает с парадигмой «устойчивого развития». К сожалению, работа П.Г. Олдака не была оценена в зарубежной и даже российской литературе, ибо она была опубликована в Новосибирске небольшим тиражом, и попросту говоря, не попала «в нужное время и в нужное место», хотя была оценена отдельными представителями отечественной науки.

Наше понимание «устойчивого развития» полностью совпадает с определением, предложенным П.Г. Олдаком, но хотелось бы сделать некоторые дополнения. Во-первых, что касается «устойчивости», то следует рассматривать устойчивость биосферы как огромной открытой экосистемы. В экологии понятие устойчивости определяется следующим образом: устойчивость — это способность экосистемы выдерживать и смягчать нагрузку, на нее воздействующую. Такое определение следует относить и к биосфере, как к экосистеме, только в данном случае мы говорим о «несущей или хозяйствующей ёмкости» той тонкой пленки жизни, о которой говорил В.И. Вернадским.

В наше время вопрос заключается не в том, чтобы только использовать теоретические знания, но и формировать практику устойчивого развития. Для этого, по нашему мнению, важным фактором в этом «социо-эколого-экономическом поле» является повышения уровня образования, как в области социальной экологии, так и в рамках образования в области устойчивого развития. При этом мы понимаем «социальную экологию» как комплексное, интегративное направление научных исследований и соответствующей практики, имеющим своим объектом процесс взаимодействия общества и природы, а предметом — закономерности и механизмы такого взаимодействия. Цель социальной экологии в таком случае заключается в разработке и применимости оптимальных путей и способов этого определяющего положения.

Надо констатировать, что в Российской Федерации уровень такого образования является крайне низким. Мы выделяем три уровня (или направления) экологического образования: во-первых, это подготовка экологов, как будущих специалистов в области биолого-экологической направленности, или «Геккелевской» экологии; во-вторых — это прикладная экология, понимание которой должны быть соответственно направлено на различные отрасли хозяйства. И, наконец, социальная экология, которая должна рассматриваться как межпредметный курс в высшем образовании, направленный на формирование экологического сознания и экологической культуры.

Здесь следует напомнить, что решением соответствующих структур ООН только в прошлом году закончилось «десятилетие образование для устойчивого развития», которое проводилось под эгидой ЮНЕСКО, но не нашло нужного отражения в российских высших учебных заведениях. На это обратил внимание такой видный российский специалист, как уже выше отмеченный в статье, как Н.Ф. Глазовский, который отметил значимость такого образования и подчеркнул, что России в этом направлении надо сделать еще очень много усилий, для реального становления социально-экологического образования для устойчивого развития. Кстати он же предложил создание специальной магистерской программы по устойчивому развитию [2, 10].

Для более широкого взаимодействия современных государств в области сохранения устойчивости биосферы, улучшения государственной и международной политики, по всей вероятности, необходимо формирование и развитие экологической дипломатии, основные теоретические и практические основы которой в наши дни практически не имеют место. В случае нашей работы мы можем назвать к настоящему времени крайне ограниченное внимание в этой сфере. Одной из таких попыток можно считать работу автора, опубликованную в 2003 г. в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» [1, 107].

Вместе с тем следует отметить, что глобализационные процессы далеко не всегда оцениваются положительно. Есть многочисленные критики этого концепта, да и на практике сформировалось достаточно явно выраженное негативное отношение к процессу глобализации. Это связано с появлением когорты антиглобалистов и альтерглобалистов. Если первые категорически не воспринимают глобализацию, то альтерглобалисты определяют свое отношение к этой тенденции положительно, но настаивают на изменении самой направленности и содержательной части процесса. Один из последних примеров повышения активности и значимости антиглобалистов — конференция в Москве 14–20 сентября. В ее решениях было обращение в ООН о необходимости еще раз провозгласить положение о праве наций на самоопределение.

В заключение нашей статьи, следует сказать, что будущее мира зависит в значительной степени от активности не только политических лидеров и государственных деятелей, но и того как будет развиваться гражданское общество не только в отдельных странах, включая, конечно, Россию, но и в рамках планетарных тенденций и явлений.

Литература

1. *Алимов А.А.* Экологическая политика и экологическая дипломатия (понятийный аппарат и отдельные направления). // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, сер. 6, 2003, вып. 3, с. 101–109.
2. *Глазовский Н.Ф.* Состояние проблемы и перспективы развития образования в области устойчивого развития за рубежом. // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 ноября 2005 г. — СПб., 2005, с. 3–29.
3. *Кондратьев К.Я.* Устойчивое развитие в контексте проблем общества потребления. // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 ноября 2005 г. — СПб., 2005, с. 29–61.
4. *Контуры мирового будущего.* — Изд-во «Европа», 2005.
5. *Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И.* Глобальное управление. — М.: МГИМО, 2013. — 205 с.
6. *Наше общее будущее.* Доклад Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию. — М., 1989.
7. *Ноосферизм. Арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке.* Т. I, II. — СПб., 2007.
8. *Олдак П.Г.* Равновесное природопользование: взгляд экономиста. — Изд-во Новосибирского университета, 1983.
9. *Федоров Ю.* Критический вызов для России. // Проблемы глобализации — Pro et Contra, 1999, с. 5–7.
10. *Чешков М.* Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. // Проблемы глобализации — Pro et Contra, 1999, с. 114–127.